

Частное дело двоих

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

Славянские языки вообще, а русский в особенности, – порождают поэзию. Сейчас, читая в книгах или чаще в интернете множество стихов известных мне и раньше неизвестных поэтов, я не устаю удивляться свободе языка, ткущего самые причудливые и новые комбинации смысловозвука.

– За время вашей работы в «Континенте» и «Русской мысли» через вас прошло много разных произведений, в том числе написанных и теми, кого называют «ди-пи», в первую очередь я имею в виду таких авторов, как Иван Елагин, Николай Моршен, Игорь Чиннов. Что это были за люди, общались ли вы с ними, что еще не вернулось в Россию стихами?

– Названных вами поэтов «Континент» печатал, но ни с кем из них я лично не встречалась. Мне – как, кстати, и Владимиру Максимову – было интереснее всего открывать новых поэтов (а ему – и прозаиков). Так, еще в начале моей работы в «Континенте» нам привезли из Москвы стихи Бахыта Кенжеева. Потом Бахыт передал нам – тоже еще из Москвы – альманах «Московское время», и мы впервые напечатали Александра Сопровского, Сергея Гандлевского и других поэтов этой группы. Много позже, уже живя в Канаде, тот же Бахыт прислал нам поэму Тимура Кибирова. Сама я получила из Москвы очень занятные стихи Ольги Рожанской, а из Ленинграда – стихи поэтов группы «Камера хранения»: Ольги Мартыновой, Дмитрия Закса, Валерия Шубинского и Олега Юрьева. Случалось мне открывать новых поэтов и среди эмигрантов: Андрея Лебедева в Париже, например. Это не значит, что мы публиковали только наши открытия: кого мы один раз полюбили – из молодых ли, из признанных, независимо от места пребывания и, в случае эмигрантов, от «волны» эмиграции – мы продолжали печатать. Не печатали мы только тех, кто сам не присылал нам стихов, и в этом смысле в «Континенте» оказались некоторые пробелы, такие как Геннадий Айги, например, или покойный Александр Величанский. Я вижу, что не отвечаю на ваш вопрос, но рассказала о том, что мне самой интереснее, поэтому, может быть, окажется интереснее и нашему с вами читателю.

– Расскажите о ваших привязанностях в литературе прошлого, сегодняшнего; есть ли у вас «свои» композиторы, живописцы?

– Если говорить о поэзии, то самый сжатый список – Пушкин, Мандельштам, Ахматова, Бродский (и ни на кого из них я не похожа). В прозе – Достоевский, Диккенс, вообще скорее англо-американская литература, чем какая-то другая, кроме разве что польской. Но польская проза – только XX века. Например, я переводила – по любви, а не по необходимости – Марека Хласко, Тадеуша Конвицкого, Славомира Мрожежа. И, хотя переводила уже по необходимости (надо было для «Континента»), но полюбила печальнейшую книгу Казимежа Орлоса «Дивная малина». Помню, одна моя мудрая знакомая (Т.М. Литвинова) сказала мне со вздохом после чтения этого романа: «Мы-то думали, у них лучше...»

А «моя» польская поэзия – это и самая старая, Ян Кохановский, XVI век, и в XIX веке Норвид, один из самых великих поэтов во всей мировой литературе, а в XX – Юлиан Тувим, совсем, по-моему, неизвестный в России Юзеф Чехович и, конечно, Чеслав Милош и Кшиштоф Камилль Бачинский. О нем и о других, по цитате из Милоша, «двадцатилетних варшавских поэтах», погибших во время войны, я недавно написала статью – в журнал «Новая Польша» (2004, № 11). А еще – и мой близкий друг Виктор Вороншильский, и мой ровесник и друг Ярослав Марек Рымкевич, и из родившихся после войны – Станислав Баранчак (вдобавок замечательный переводчик, в частности Бродского). Из всех названных я не переводила только Кохановского, Тувима и Чеховича, а еще переводила много и стихов, и прозы, и статей – это очень важная часть моей жизни, которая продолжается и по сей день. Если говорить о польской прозе, назову еще два имени писателей, книги которых купила в Варшаве две недели назад и которые произвели на меня сильное впечатление: Ежи Пильха (он уже есть по-русски в переводе Ксении Старосельской) и Войцеха Кучока, лауреата премии «Нике», главной польской литературной премии (заметим, что государственных премий там нет).

Да, вы же еще спрашивали о музыке и живописи. Когда-то на психиатрической экспертизе на вопрос печальной памяти профессора Лунца о любимых композиторах я ответила: «Моцарт, Шуберт, Прокофьев». Это отчасти так и сегодня – с той разницей, что Прокофьева, может быть, люблю чуть-чуть меньше, а Шуберта намного больше – просто тогда я еще многого из его сочинений не слышала. Но почти так же люблю Баха, Гайдна, Шумана, Шостаковича. И джаз – настоящий, хороший, разный – не меньше, чем всю названную классику.

А там, где слово соединяется с музыкой (впрочем, это уже есть у названных композиторов – достаточно привести в пример песни Шуберта и «Антиформалистический раек» Шостаковича), очень люблю старинные русские романсы, песни Булата Окуджавы, а сейчас, например, по много раз с радостью слушаю компакт-диск раннего «Аквариума».

Без музыки я вообще прожить не могу. Без живописи... Пожалуй, тоже трудно. Как когда-то полюбила импрессионистов и постимпрессионистов, так и люблю, тем более что лучшее их собрание – у нас в Париже, в Музее Орсе. Тем не менее в прошлом году, впервые в жизни попав в нью-йоркский музей «Метрополитен», обалдела перед тамошним Дега и готова была утверждать что это «лучший художник всех времен и народов». Но... еще же есть и итальянское Раннее Возрождение, и фламандцы от Яна ван Эйка и Рогир ван дер Вейдена, и Брейгель. А еще наши «бубновоалетчики». Вот без всего этого жизнь была бы «мрачная пустыня».

– Насчет «сжатого» списка понятно, а вот что подвигло на написание первого стихотворения?

– Не знаю, что считать «первым стихотворением». Семейные предания донесли четверости-

шие, сочиненные мной в четыре года. Очень занятное, так как в нем в зародыше содержится моя будущая поэтика (соответствующая принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька»), так как оно написано не хореем (см. Чуковского), а ямбом и так как в нем отчасти предсказаны некоторые детали моего нынешнего будущего. Вот оно: «Душа моя парила, / А я варила суп, / Спала моя Людмила, / И не хватило круп».

Людмила – кукла, которая у меня была и которую я совсем не помню. Но теперь у меня младшую внучку родители называли Миленой, и если я уговарю их крестить ее, то она, конечно, будет Людмилкой (потому что Милочка). «Душа моя парила» – несомненно, под влиянием Лермонтова, которого мама мне и читала, и пела, а вскоре я начала читать и сама. А супы я, никогда не умевшая готовить, принялась варить с начала 90-х (как говорит мой старший сын: «Как коммунизм рухнул, мать принялась готовить супы»), и не только в Париже, но и в Москве (спросите Рейна) славится «борщ у Горбаневской».

Но так как я сама это четверостишие не запомнила, то какая мелодия меня к нему привела, не могу сказать. Зато помню другой случай, уже ближе к пяти годам. Нам с братом подарили Брема, и я его усиленно читала. И внезапно на одном развороте я прочитала подписи под четырьмя картинками и услышала их как стихи, то есть услы-

во слушала, разговаривала. И вот птица уже уходит и в дверях спрашивает Ахматову: – А говорят, у вас есть «Поэма без чего-то...»

Анна Андреевна была в полном восторге и всем это рассказывала. А представьте себе, что кто-то спрашивает Цветаеву: говорят, у вас есть «Поэма чего-то! Она бы этого человека на месте убила. При этом мы знаем, как важна была для Ахматовой «Поэма без героя», начатая в 1940 году и переписывавшаяся до конца ее жизни.

– Вы довольны своими последними изданиями – избранным «Русско-русский разговор», до этого было «Не спи на закате» – вы этим подвели предварительный итог?

– Первый в жизни итог я подвела книгой «Побережье», до «Ардиса» выпшедшей в самиздате. Но это было такое «избранное», которое одновременно было «полным». Совершенно полным, а не «почти», как потом «Не спи на закате» (то есть все стихи того времени, которые в него не вошли, бесповоротно выброшены). Но и «Не спи на закате», и «Русско-русский разговор» составляла я сама – чего ж мне быть недовольной? А все-речь-то итогов я не подвожу – живу дальше.

– Как идет работа над новой книгой, рабочее название которой я знаю, «Прозой»?

– Я работаю не так давно, года полтора-два. Туда входят статьи, рецензии, выступления, напечатанные в «Континенте», «Русской мысли» и других изда-

Славянские языки вообще, а русский в особенности, – порождают поэзию

шала, как слова, которые не собирались быть стихами, становятся таковыми: «Датский дог. / Немецкий дог. / Ирландский дог. / Шотландский дог».

Вообще же мелодия возникает у меня на ходу или в транспорте, мне нужно движение. Скажем, три стихотворения 1956 года, которыми открывается любое мое избранное, полное или неполное, все сочинены при поздних возвращениях домой трамваем, то есть частично в трамвае, частично на ходу.

– Что вы считаете самым главным из ваших встреч-общений с Анной Ахматовой?

– Встречи с Ахматовой научили меня относиться к себе не как из ряда вон выходящему, «высшему» существу, «поэту» – по традиции романтиков, в XX веке особенно сильной у Цветаевой, а как к человеку, по воле Божией получившему дар (без всяких своих заслуг) и долженствующему этим даром распорядиться как можно лучше. Это включает, конечно, и самоконтроль, и немалую долю иронии по отношению к себе, защищающую от разрастания самоуважения. При том что Ахматова, конечно, знала и понимала, КАКОЙ она поэт.

Перескажу случай, который рассказываю часто. Пришла к ней художественная птица (по фамилии Бальмонт – «на афише покружнее Бальмонт, поменьше Блок», как говорил Миша Ардов), Анна Андреевна, конечно, ее приняла, вежли-

ных. Но многое я еще не размыслила, не скопировала, не сосканировала – на все это нужно время. Так что я действительно не знаю, когда закончу предвзвешенную работу. Потом наступит следующий этап: композиция и отбор. Я на слишком многие темы писала и пока условно разделила материал на такие разделы: «О поэзии», «О прозе», «Кино, театр, музыка», «Словари», «Прошлое», «Посткоммунизм», «Запад», «Польша». Раздел «О поэзии» можно прочитать на сайте «Новой камеры хранения» (www.newkam-era.de).

– Может быть, закончим этот разговор новым стихотворением?

– Предложу стихотворение из книги, которую, как мне кажется, скоро закончу. Называется оно «1941 (из ненаписанных мемуаров)», написано в Париже 19 ноября 2004 года:

пью за шар голубой
сколько лет
и никак не упасть
за летучую страсть
не унять не умять не украсть
за воздушный прибой
над заливом приливом отлей
из стакана вина
не до дна дозори не дотлей
кораблей ли за тот
что несетя на всех парусах
юбилей но война
голубой или серенький том
не припомню не помню
не встоп... ■

Беседовал Евгений Чигрин

«Александр Невский» призван словесностью

Учреждена новая ежегодная литературная премия

12 сентября впервые в Российской Федерации будет вручаться литературная премия «Александр Невский», учрежденная Санкт-Петербургом Центром гуманитарного и делового сотрудничества (ЦГДС) и Союзом писателей России.

– Премией будут награждены авторы, представившие на конкурс произведения, посвященные военным, политическим, общественным или религиозным деятелям, внесшим значительный вклад в развитие Российского государства, – сообщил учредитель литературного конкурса, генеральный директор «ЦГДС» Александр Ебралидзе. – Имя святого благоверного князя Александра

Невского всегда возникало на важных критических моментах развития нашей страны. Учредив премию, мы хотим подчеркнуть, что сегодня переживаем один из таких переломных моментов в истории России, когда каждый гражданин должен дать четкие ответы на поставленные жизнью вопросы: кто я? ради чего мы живем? отчуждена, народ – какой смысл мы вкладываем в эти слова? Самое главное, что, давая ответы на эти вопросы, мы должны понимать, что мы живем в обществе, где окружающие всегда сверяют наши слова с нашими действиями. Конечно, было бы неправильно говорить, что одним этим проектом можно решить все мировоззренческие

проблемы российского общества. Однако мы очень надеемся, что наша работа станет заметным вкладом в повышение престижа русской литературы, ее социальной значимости, поможет укрепить в национальном самосознании понимание значения роли личности в отечественной истории.

Организаторы также уверены, что удастся добиться максимальной объективности при оценке произведений, поступающих на конкурс, поскольку обязательными принципами работы созданной комиссии и привлеченных экспертов станут широкое информирование общественности и гласность.

Председатель правления Союза писателей России Валерий

Ганичев считает, что литературная премия «Александр Невский» вполне отвечает назревшей в обществе необходимости «вернуться к образу литературного героя яркой духовной насыщенности и полноты, героя, способного служить примером для воспитания высокого и редкого по нынешним временам качества – духовности, соединенной с патриотизмом». А нравственное воспитание современника обязательно должно быть подкрепляемо опытом великой отечественной истории. Произведения, обладающие такими качествами, и намерены отмечать по итогам каждого года учредители премии.

Дарья Миронова

ца». Участвует автор и другие дота. знатоки.

НГ-EL

ЗЕТУ" НА I ПОЛУГОДИЕ 2005 г.

50089 – для частных лиц 39564 – для организаций
39535
39551
39528 – для частных лиц 39565 – для организаций
39533

тел. (095) 500-00-60
тел. (095) 160-58-56
тел. (095) 921-88-27

тел. (812) 314-87-17

tel. 1 (612) 550-09-61 E-mail: periodicals@eastview.com
тел. (044) 464-02-20 E-mail: kss@kss.kiev.ua
тел. (095) 953-92-02 E-mail: kpp@sovintel.ru